

Все люди - хорошие

Автор:

Ирина Волчок

Все люди - хорошие

Ирина Волчок

Все люди - разные

Наташка за свою коротенькую жизнь пережила так много горя, так много несправедливости, видела так много людской злобы, вытерпела так много обид... Но не озлобилась и не стала никого винить. Просто поверила, что это она во всем виновата. Ведь если бы не была виновата, за что ее было бы так сильно обижать? А потом ей встретились люди, которые отнеслись к ней, как к равной. Они приняли участие в ее судьбе - и изменили всю ее жизнь. А потом ей встретилась любовь, о которой она и не мечтала. А потом она поняла то, что знают все, кто счастлив: все люди - хорошие!

Ирина Волчок

Все люди - хорошие

Глава 1

Наташка проснулась как от выстрела. Так, как будто она сидела в засаде и нечаянно заснула. А теперь раздался выстрел и - беда, все пропало. Она затаилась, стараясь выровнять сбившееся дыхание, но глаза не открыла. Сон, из которого ее выдернул этот приснившийся выстрел, был неприятный. Что там было, в этом сне, она не помнила. Помнила только, что сон был очень яркий,

очень реальный, как будто это не во сне все было, а наяву. А что именно было – не помнила. Ну и хорошо. В жизни столько неприятностей, так еще и плохие сны помнить...

Она никак не могла сообразить, где она и почему все какое-то неправильное, не такое, как всегда. Вот в детстве она просыпалась совсем не так. До восьми – да, примерно до восьми лет – Наташка просыпалась от привычных, радостных запахов парного молока и свежего хлеба. Хлеб мать каждое утро понемногу пекла. Даже огонь в печке пах радостно. Хотя когда она однажды сказала об этом матери, та рассмеялась и ответила, что Наташка дурочка, что огонь ничем не пахнет, а дымом у них и вовсе пахнуть не может, потому что печка новая и тянет хорошо. Но Наташка говорила: я же чувствую! Мать сердилась: вот никто не чувствует, а Наташка одна чувствует, хватит уже глупости выдумывать. И Наташка замолкала – мамку лучше не злить.

А после восьми лет она просыпалась от окрика: «Вставай, ладоха, нечего валяться!» Что это за зверь такой, «ладоха», Наташка не знала, но валяться и вправду было некогда. Воды в дом наноси, кур покорми, посуду помой...

Впрочем, Золушкой она себя особо не ощущала – они вдвоем с мамкой хозяйство волокут, и огород, и яблоневый сад, и птицу... Мамка одна не справилась бы, а помогать ей больше некому было. Если не она, Наташка, то кто?

А в последнее время она почти всегда просыпалась вот так, как от выстрела. И сны всегда были плохие. Но просыпалась в знакомом месте! А сейчас место было незнакомое. Кровать была жесткая, подушка просто смешная, таких надо штук пять, чтобы нормальная получилась, ну, может, три, а одеяло было тоненьким, почти невесомым, и Наташка сильно замерзла. Она все-таки решилась открыть один глаз. Абсолютно безопасно. Этому фокусу Наташка научилась еще в детстве. Даже если бы кто-то специально наблюдал за ней, ждал бы, когда она проснется, – все равно ничего бы не заметил: ресницы у нее были некрасивые, светлые, но очень длинные и очень пушистые. За такой завесой никак не углядеть серую радужку глаза.

Она осторожно приоткрыла один глаз и попыталась понять, где она находится. Потолок оказался высоко, гораздо выше, чем она привыкла. И вместо трехрожковой люстры – один плафон треснутый, другой не горит – на потолке были лампы дневного света, сейчас выключенные. Кроватей в помещении было много, сразу и не сосчитаешь, и Наташка поняла: это больница. Ужас вышиб все

мысли из головы. Больница! Наташка в панике принялась ощупывать лицо, но повязок не было, только семилетней давности шрам на подбородке. Нащупав его, она немного успокоилась, сообразила, что гипса тоже нет, а главное – не болят при каждом вдохе ребра. Значит, это не та больница...

Конечно, не та, что это на нее нашло? Ей двадцать два, почти двадцать три года, все давным-давно зажило, на ней все как на собаке заживает, как мать говорит... Тогда что она тут делает и как сюда попала? Наташка, почти успокоившись, стала прислушиваться к своим ощущениям. И так, что же у нее болит? Ведь если больница, что-то должно болеть. Слегка ныл живот, высоко, почти под ребрами, слева. Интересно, а что там? Желудок, какая-нибудь селезенка? Печень вроде бы справа. Справа или слева находится аппендицит, она не знала, но думала, что он гораздо ниже, по крайней мере, у матери рубец от аппендицита был совсем внизу живота. Почему же все-таки она в больнице, ведь Маратик и в этот раз бил ее, как обычно, по лицу?

В палате без всякого предупреждения вспыхнул свет. Появилась толстая девушка в белом халате и громко сообщила, что пора просыпаться, градусники ставить. Женщины на койках завздохали, закричали, заворочались. Кто-то громко сказал какой-то Свете, что орать не обязательно, а уж свет включать – тем более. Света – это медсестра с градусниками, догадалась Наташка. Градусник, который ей дали, засовывать под мышку было страшно: и так замерзла, а тут еще холодное, мокрое.

Температуры у нее не было. Кто-то из соседок занудно критиковал медсестру Светку, которая, зараза бессовестная, зажжет весь свет, и мучайся потом, спать охота, а свет горит, и заснуть теперь никакой возможности, совсем нет у человека совести. Наташке нудный голос надоел, она встала и выключила свет. Палата затихла, но в сладкий утренний сон никому вернуться не удалось: через минуту дверь распахнулась, и свет вспыхнул снова. Зачем – Наташка не поняла, медсестра собирала термометры, не глядя на показания, и складывала их в одну коробку, при этом громко повторяя: «На уколы, просыпаемся, на уколы». Наташка не знала, назначили ей уколы или нет, а когда попыталась спросить, ничего не вышло. Вроде нормально говорила, только голоса не оказалось, получился какой-то свистящий шепот, и медсестра ее не услышала. Или сделала вид, что не слышит. Не хватало еще, чтоб ругались, – подумала Наташка и начала одеваться. Сходит до процедурного кабинета, не развалится. Там медсестра и скажет, нужны ей уколы или нет.

Определить, где находится этот самый процедурный кабинет, не составило труда: возле двери с соответствующей надписью змеилась очередь человек в тридцать. Тетки в расстегнутых халатах, накинутых прямо на ночнушки, нечесанные, с закрытыми глазами, такие же заспанные полуодетые мужики, а один молодой парень – в одних трусах. Парень с закрытыми глазами подпирал стену – похоже, спал стоя. Такой расхлябанности Наташка не понимала. Встал с утра – оденься, причешись, умойся, тогда и выходи. Так ее мамка в детстве учила. И зубы с утра нужно чистить. Она бы и зубы, конечно, почистила, только нечем было – ни пасты, ни щетки.

Очередь похожих на зомби больных двигалась довольно быстро. Наташка вошла в кабинет и поздоровалась. Получилось тихо, хрипло, во рту было сухо и горько, горло першило. Наверное, поэтому медсестра ей не ответила, вместо «доброе утра» спросила грозно: фамилия? Наташка ответила. Девушка принялась быстро листать затрепанный журнал.

– Нету тут тебя, Антонова, иди, очередь только задерживаешь! – раздраженно сказала медсестра Светка и, не дожидаясь, пока эта самая Антонова выйдет, громко крикнула: – Следующий!

Наташка понимала, почему толстая Светка разговаривает с ней так грубо, если быть точнее, вообще не разговаривает. В зеркало ей посмотреться не удалось, не было в палате зеркала, но представить, как она выглядит, Наташка могла, не впервой. Маратик вчера вечером разошелся. Надо полагать, нижняя губа у нее опять как у негритянки, огромная и синяя. Ныла скула, а значит, синяк под глазом тоже есть, если не под обоими. Хорошо хоть кожа у нее такая... с функцией регенерации. Это еще тогда, в первый раз, кто-то из врачей так сказал. Если бы сразу лед приложила, тогда, может, и вообще ничего не осталось. Ну, почти ничего. Но так почти никогда не получалось. Не до льда как-то было.

Каждый раз после Маратиковых упражнений с ее лицом, которое он с пьяных глаз принимал за боксерскую грушу, она задавала себе вопрос: почему, ну почему он это делает? Она ведь изо всех сил старается, на двух работах успевает, убирает, стирает, готовит... Даже книжку купила по кулинарии, потому что Маратик любит покушать, а вчерашнюю еду, наоборот, не любит. Да и не отказывала она ему никогда, хотя смысла физических отношений мужчины и женщины не понимала. То есть теоретически она знала, что эти самые физические отношения должны приносить какое-то там обоюдное удовольствие.

По крайней мере, бабы на работе – на обеих работах – это регулярно обсуждали. Но поскольку удовольствия никакого она никогда не испытывала, то давно решила: кто урод, как она, снаружи, тот урод и внутри. По крайней мере, семь лет назад ей так доктор сказал. Вот так-то. И черт с ним, с удовольствием, лишь бы Маратик был доволен, не нервничал лишний раз. Не нервничает – значит, не будет бить. Но он почти всегда нервничал.

Наташка пошла на лестничную площадку запасного выхода из отделения. Ей хотелось побыть одной. В идеале – дня три-четыре. Пока синяки не станут менее заметными. Но сейчас – хотя бы десять минут, хотя бы пять, дать улечься обиде, не зареветь при всех этих посторонних людях. На площадке стоял старый, лет десять назад выкрашенный белой краской, расшатанный стул, на подоконнике – банка из-под кофе, заполненная окурками, а на стуле сидела женщина в очках и жадно курила. Женщина была похожа на памятник. Монументальная, крупная, несмотря на то, что сидит, – видно, что очень высокая, лицо и руки такие, как будто скульптор их еще не до конца обработал. Да, такую Маратик стукнуть не решился бы. Такая обратно зарядит так, что мало не покажется, со смутной завистью подумала Наташка. Она машинально буркнула про доброе утро и расстроилась – присутствие этой живой статуи было совсем некстати. Статуя не ответила, но Наташкой явно заинтересовалась. Порассматривала ее минуту, а потом спросила:

– Кто это тебя так? Заявление в милицию хоть написала?

Наташка молчала, опустив голову. Статуя не унималась:

– Меня Ираида зовут. А тебя?

Наташка представилась, отказалась от предложенной сигареты и уставилась в окно. За окном хлюпала оттепель, и из-за этого весь мир казался грязным. Или не из-за оттепели, а потому, что морда у нее разбита, опять разбита, и жизнь тоже вдребезги. Вчерашний вечер пробежал перед глазами ускоренным темпом, как будто монтажер решил сократить неудачную киноленту до формата скупой хроники. В третьем раунде матча «Маратик – груша» побеждает Маратик – и нокаутом, и нокаутом. Наташка не помнила, сколько раз она падала и как быстро после этого вставала.

Потом собственно событие: убирайся из моего дома, шалава. Почему хоть шалава, подумала тогда Наташка. Вроде пришла с работы, вроде все как всегда, ужин сочинила в ожидании хозяина. Раньше он ее никогда не выгонял, даже когда бил смертным боем. Но вчера пришлось бежать, не разбирая дороги, куда ноги несут. Ноги принесли ее в единственное место в этом городе, в котором она несколько раз бывала. Кроме дома – Маратикова дома. Ну, и работы, вернее, работ. К продавщице, к Лизке. Лизка была веселая пьяница, и уборщиц, в отличие от коллег, совсем не презирала, ей было все равно, с кем общаться, проще говоря – все равно с кем пить. Наташка спиртного не пила. Почти. Ну, пробовала шампанское на Новый год или на день рождения. Маратик иногда бывал в хорошем настроении и приказывал купить этого самого шампанского. Шампанское Наташке не нравилось – кисло, пузырьки щиплют язык, в носу противно и чихать хочется, – но в ее сознании оно было связано с хорошим настроением Маратика, поэтому она старательно пила и делала вид, что очень благодарна, чтобы настроение Маратика вдруг не испортилось. А уж крепкого, настоящего, как говорила Лизка, спиртного не пробовала вообще никогда. Мамкина закваска – та по поводу и без повода воспитывала: смотри, девка, папаша твой спился и помер, хоть каплю в рот возьмешь – прокляну. С проклятьем получилась отдельная история, но табу на алкоголь Наташка и не думала нарушать. А тут Лизка увидела ее, всю такую красивую, и сразу налила почти полный стакан. Наливала из полуторалитровой баклажки с надписью «Вода газированная. Клубничная». Пить действительно очень хотелось, ведь к Лизке она бегом бежала, и Наташка залпом выпила протянутый ей стакан. Выпила – и не удержалась на ногах, хлопнулась на стул, хорошо, что прямо сзади стоял, а то опять оказалась бы на полу. Как дышать, она забыла. Как сквозь вату донесся Лизкин смех и восхищенный голос: «Ну ты здорова, а еще овечкой прикидывалась... Это ж чистый спирт!» Во рту было сухо, в желудке обжигаете горячо, а в голове пусто. Сама того не зная, Наташка повторила про себя хрестоматийное: я подумаю об этом завтра. Еще через минуту все слилось, перепуталось, а может быть, она еще выпила. Воды газированной клубничной. Лизка – баба не жадная, скорее всего, налила. Как и почему Лизка вызвала «скорую», Наташка не помнила. Или Лизка не вызвала «скорую»? Тогда почему она сейчас в больнице?

Объяснять все это совершенно посторонней статуе, то есть Ираиде, Наташке совсем не хотелось, но та ждала, склонив голову к плечу и не отрывая от собеседницы внимательного взгляда. Видно, привыкла своего добиваться. Пришлось рассказывать, сильно упростив ход событий. Получалось так: муж из дома выгнал, убежала к подружке, а там случайно выпила, чего – сама не знает. Вообще-то и не муж, и не из дома, и не к подружке, но все это ерунда. Как

теперь выяснить, на что он обиделся, и как обратно проситься – вот в чем вопрос.

В этом месте Ираида расхохоталась. Не весело, а как будто с обидой. Но сказать ничего не успела: в неплотно прикрытую дверь просунулась хитрая старушечья физиономия:

– Идка, иди, обход прокуришь опять!

– Пойдем, – сказала Ираида Наташке – Сегодня понедельник, обход с заведованием и всей его придворной камарильей. Ты ведь свой диагноз не знаешь? И я не знала, пока Сергей Иванович с обходом не пришел. От нашего лечащего хрен чего добьешься. А этот хоть УЗИ назначит.

Что такое «камарилья», Наташка не знала, а вот эскулап – слово знакомое, это доктор.

В палату они успели, генеральский обход еще не появлялся. Наташка обратила внимание на странную деталь: многие из ее соседок даже в ожидании врачей не дали себе труда встать и умыться, а двое и вовсе спали себе без задних ног и, кажется, не собирались просыпаться. Понятно, что больные люди, наверное, им трудно шевелиться... Но хотя бы умыться-то утром можно! К тому же – среди людей находятся, не в одиночестве.

– Где тут наш божок? – громко спросил осанистый, «видный», как сказала бы мамка, дядечка со стопкой бумаг в руках.

Наташка и не поняла сразу, что он имеет в виду. А когда поняла, просто заледенела от обиды и почти не слышала, что докладывает видному другой, маленький и лысый. Лысый сыпал незнакомыми словами, осанистый морщился, на Наташку смотрел брезгливо, потом поднял руку и веско сказал:

– Будешь так пить – плохо кончишь. Панкреатит, цирроз печени... Ты вроде молодая, думай, – и добавил, отвернувшись: – УЗИ брюшной полости. Если изменений нет – завтра домой. Чего ее тут держать-то, без полиса... Не ешь и не пей ничего, поняла? А то обследование нельзя делать будет, поняла?

Наташка, еле сдерживая слезы, кивнула. Бомж, это надо же... Никакой она не бомж, просто прописана до сих пор не в городе, а в Малой Ивани, у матери. Кто ее в городе пропишет, кому она нужна? А это повторенное дважды «поняла?»!

Плакать в палате она не стала. Опять ушла на лестничную площадку запасного выхода. Вслед за ней отправилась, как оказалось, ее новая знакомая, Ираида.

– Вот сволочи, из-за паршивого полиса удавятся, – зло сказала она и опять закурила.

– Почему? – всхлипнула Наташка.

– Да я сама толком не поняла. Вроде бы если страховки медицинской нет, то расходы на содержание и лечение оплачивает больница. Тут парень один так и выписался. Ему сказали: платить по семьсот рублей в день, а то больничные не дадут. Он без оформления работает, больничные все равно не оплатят, но чтобы хозяин не подумал, что он прогуливает, бумажка из больницы нужна. А тебя почему бомжом обозвали? Тоже без соцпакета трудишься?

Наташка смутно представляла себе этот самый соцпакет, но работала она и в супермаркете, и у Маратика в ларьке без отпусков. А отпуск – это же вроде и есть соцпакет? В магазине у нее хоть выходной был, воскресенье. Правда, в понедельник, после ее выходного, грязи приходилось вывозить столько, что воду в ведре она меняла не шесть раз, как обычно, а все пятнадцать. В Маратиковой палатке выходных не было вообще. Так что каждое воскресенье она трижды бегала туда мыть полы. С утра, в обед и перед закрытием, как в обычные рабочие дни. Маратик очень уважал чистоту, утверждал, что если пол вымыт, то без покупки человек не уйдет. Палатка была овощная, и о настоящей чистоте приходилось только мечтать. Хоть пять раз все вымой, а разок пересыпать картошку из мешка в коробку на витрине – и опять грязь, как и не мыла.

А теперь все, отработалась. Директор супермаркета ей еще месяц назад сказала, что если она снова отпросится, то – до свидания, безработных как собак нерезанных, плакать не будем, другую уборщицу найдем. Что же касается ларька, то понятно – если из дома выгнал, то и с работы поперет, если хозяин один и тот же, чего тут непонятного-то? Можно даже и не соваться.

Короче, как ни крути, жизнь не удалась. Ни дома, ни средств к существованию. В смысле ни денег, ни одежды, ни документов, ни работы. Из-за чего же все-таки Маратик взбесился? Если бы она знала, то прощения попросила бы или еще как-нибудь...

- Что молчишь? Или ты безработная? - спросила Ираида.

- Наверное, да. Теперь... - ответила Наташка.

- Что значит: наверное, да? Ты объясни толком, тебя муж из дома выгнал или с работы уволили?

- Это одно и то же. Я у него работаю. Работала. Да и не муж он никакой. Просто вместе жили. Ну, как муж и жена... - непонятно зачем уточнила Наташка.

Дальше Ираида устроила ей настоящий допрос. Иногда их прерывали: на площадку высыпала большая веселая компания медсестер. По самым скромным прикидкам, медперсонала в отделении трудилось неоправданно много, человек двадцать. Куда их столько? На каждого больного по индивидуальной сиделке, что ли? Наташкино недоумение развеяла Ираида: сюда все операционные сестры курить ходят. Можно представить, каково приходится дядьке, который в коридоре напротив двери в импровизированную курилку лежит. Да уж, подумала Наташка, в коридоре лечиться - и так удовольствие сомнительное, а постоянные сквозняки и отравы эта папиросная, то есть сигаретная... Как он тут лечится? Больше травится, чем лечится. А медсестры даже не думают об этом. А еще медики.

Как только стайка покрашенных сестер покидала курилку, Ираида тут же продолжала допрос: какое у Наташки образование? Девять классов? Учиться не любит или за плохое поведение из школы выгнали?

На самом деле - ни то, ни другое. Успевала Наташка по всем предметам лучше всех, на одни пятерки, обладала врожденной грамотностью, то есть правило могла и не вспомнить вовремя, но инстинктивно писала так, как надо. А уж алгебру знала - вернее, понимала - лучше всех в школе. Пожалуй, и лучше самой математички. На вопрос Ираиды, почему не доучилась, Наташка сказала, что деньги зарабатывать нужно было. Сразу было понятно, что врет, но уличать Ираида не стала, просто решила незаметно знания проверить. Опять же было

непонятно: если уж в город приехала, почему учиться не поступила? В училище и стипендия, и общежитие. С дипломом-то в любом случае трудоустроиться проще, да и зарплата лучше, чего в уборщицы-то подалась? И опять Наташка ей толком ничего не объяснила, если не считать объяснением маловразумительное «так получилось». Темнит что-то девчонка с синяками, темнит. С другой стороны – только-только рыдать перестала, не надо сейчас ей раны беречь, уточнить и после можно. В спокойной обстановке.

Ираида расспрашивала Наташку не просто так. Она была человеком дела, в институте, где она преподавала, про нее говорили: «пацан сказал – пацан сделал». Вот и сейчас она сказала себе, что девочке нужно как-то помочь. Но так, чтобы это не обернулось подсовыванием рыбы, когда надо подарить удочку и научить ловить. Идея у нее в принципе была. Но предложить Наташке этот вариант Ираида могла, только будучи уверена, что та не воровка, не алкоголичка, не скандалистка, не банальная шлюшка, наконец. Впрочем, что до последнего – это сильно вряд ли, уж очень неказистая девчонка.

На завтрак обе не пошли: Наташке есть доктор не разрешил («а то исследование не получится, поняла?»), а Ираида заявила, что в ее детстве была такая игра – «съедобное-несъедобное». Это когда кидаешь кому-нибудь мячик и кричишь, например: таракан! Если слово обозначало что-то съедобное, то мячик надо было поймать. А если нет – наоборот, оттолкнуть. Так вот, больничное меню – это точно «несъедобное». К тому же ей, Ираиде, надо худеть. Наташка подумала, что Ираида вовсе не потому на завтрак не пошла, а просто за компанию с ней, Наташкой. Она даже чуть не поблагодарила за это Ираиду, но передумала. Как-то неловко это было, все-таки они просто случайные знакомые, а не закадычные подружки. Вряд ли Ираида отказалась бы от завтрака только ради того, чтобы незнакомого человека так поддержать. Наверное, действительно худеть надо. Но Наташке все равно было приятно, что Ираида осталась с ней.

Они продолжали болтать, хотя говорила в основном Ираида. Она то и дело вворачивала в разговор разные словечки из совершенно противоположных областей знаний, то какие-то научные термины, то уголовный жаргон. Некоторые слова Наташка не понимала, пару раз спросила, что они означают, но Ираида не ответила, просто с довольным видом покивала головой и сказала: «Понятно».

Час абсолютно пустого, на первый взгляд, трепа – и Ираида могла с уверенностью сказать: ее собеседница в тюрьме точно не сидела, зато вот «Гамлета» читала. Может, и не в подлиннике, но печальные обстоятельства жизни принца датского ей известны. И русская классика ей известна, и даже в гораздо большем объеме, чем требует школьная программа. Несмотря на весьма приличный для недоучившейся деревенской девочки интеллектуальный уровень, Наташка просто удивляла полным отсутствием жизненного опыта, житейской мудрости. Ну ведь дураку понятно: если мужчина ударил женщину хоть раз, один-единственный, – этот опыт он обязательно повторит. Причем чем дальше – тем менее значимый повод ему для этого понадобится. Просто плохое настроение – чем не повод? Ираида попробовала осторожно внушить эту истину Наташке. Наташка Ираидиных намеков искренне не понимала и все думала, как бы вернуться к своему Маратику, чтобы все было как раньше, как у людей: муж, дом, работа...

Наташка пришла с УЗИ почти испуганная – из того, что сказал врач, она совсем ничего не поняла. Неизвестно – то ли плохо все, то ли на выписку завтра готовиться. А если выпишут, то куда ей идти? Возвращаться к матери, в деревню? Невозможно. Мать семь лет назад сказала, что проклянет, – и прокляла. Ни на одно письмо не ответила, ни одной весточки не прислала. Что мать жива-здоровая, Наташке по случаю сообщила бывшая соседка, случайно на улице встретились. И добавила, что мать сильно злится, такой уж характер. Уж кому, как не Наташке, знать мамкин характер. Мамка у нее железная женщина.

Идти к Маратику? Второй такой корриды можно и не пережить. В прямом смысле. Что же делать? Ничего Наташка не умеет – ни на компьютере, ни машину водить, ни английский язык... Да хоть бы и умела, кому она нужна, без прописки, без жилья, без образования?

Вечером Ираиде было не до размышлений о Наташкином будущем, в котором она предполагала принять участие, – пришел сын. Во-первых, ни за что не скажешь, что сын: самой Ираиде на вид лет тридцать, а парень выглядел двадцатилетним. Но сразу видно, что родная кровь. Более того – копия. Те черты, которые в женской версии казались тяжеловесными, грубоватыми, в мужской выглядели просто идеалом красоты. Античная скульптура, музейный экспонат. Ираида была очень крупная, полноватая. Егор же казался могучим зверем, пребывающим в состоянии обманчивого покоя. Наташка как-то по телевизору видела передачу про Африку. Там показывали льва, царя зверей. Огромная мускулистая туша валялась по траве, как самый обычный котенок, с

удовольствием валялась, лениво перекатывалась с боку на бок, лениво болтала в воздухе всеми четырьмя лапами, снова замирала... Но надо быть слепым, чтобы не понимать: в случае опасности или появления конкурента, например, туша неминуемо взорвется движением, бросок будет внезапным и неизбежно достигнет цели... Сын Ираиды живо напомнил Наташке того вальяжного льва.

Разговаривали в палате они недолго, ушли в любимую Ираидину курилку. Одна из трех молодых девчонок, Наташкиных соседок, томно потянулась и сказала, что таких парней она в жизни не видела. Только на картинках про Голливуд, да и то любой Бред Пит – и тот нервно курит в углу. От зависти. В дебаты на тему «на кого из звезд похож сын Ираиды» с неожиданным жаром включилась вся палата. Даже дамы, которым по возрасту приличествует думать о собственных внуках, а не о совершенно посторонних Аполлонах. Наташка молчала. Она тоже никогда не видела таких людей, даже не предполагала, что они в природе существуют. Привычные мысли о собственном несовершенстве в этот момент ее не тревожили. С таким же успехом можно было бы восхищаться бриллиантовым колье за миллион долларов на шее какой-нибудь суперзвезды. Великолепно, потрясающе, сногшибательно. Только она-то тут при чем?

Ираида вернулась задумчивая, Егор не вернулся вовсе, ушел домой. Обсуждение достоинств ее сына не прервалось ни на минуту. Косвенная виновница переполоха на это обсуждение внимания не обращала. Только буркнула: не родись красивой, а родись счастливой. Минут через десять многочисленные истории из жизни на тему красоты вообще и влияния вышеозначенной красоты на судьбу в частности ей, видимо, надоели. Наташка была приглашена прогуляться по отделению для конфиденциальной беседы. Первый вопрос ее почти напугал.

– У тебя деньги есть?

– Да, рублей триста, я вчера днем тысячу брала, за продуктами ходила. Сдача, – стараясь не глядеть на Ираиду, сказала она.

– Это хорошо. Значица так, как говорил незабвенный Глеб Жеглов. Завтра нас с тобой выписывают. Я тебе дам адрес. Это за городом, не бойся, не далеко. Мои друзья недавно достроили дом. До этого в квартире жили, и Люська, хозяйка, все сама успевала. И по хозяйству, и готовить, и с парнем заниматься. А в доме не успевает – два этажа плюс подвал и зимний сад на чердаке. Она уже этот дом чуть не матом кроет, тяжело в одни руки. Ей помощница по хозяйству нужна. У

тебя, конечно, ни специальных навыков, ни рекомендаций, однако, я думаю, полы помыть и картошку почистить – это ты сумеешь. Я ей позвоню, про тебя предупрежу. Жить там же будешь, зарплату тебе, какую-никакую, платить будут. На первое время сойдет, а там посмотрим, что с тобой делать. С детьми нормально общаешься?

– Не знаю, не приходилось как-то... А сколько лет детям? – спросила Наташка.

– Детям... Не бойся, Мери Поппинс, там одно дитя. Андрюшка во втором классе учится. Да я не думаю, что у тебя с ним до общения дело дойдет. Завтраком покормишь, проверишь, чтоб шапку надел. Люська до педагогического процесса никого не допускает. Только вот... Дело какое... Ты, в общем, не обижайся, но если начередишь там чего – спрос с меня будет. Так что не подведи.

Утром, до обхода, Наташка занялась инвентаризацией. Подсчитывать оказалось нечего. То есть совсем. Нижнее белье в одном экземпляре, старенькие джинсы, которые она носила уже несколько лет, серая куртка с капюшоном – зимой и летом одним цветом, немодный свитерок-лапша из секонд-хенда и утепленные кроссовки. Денег – триста пятьдесят четыре рубля восемьдесят копеек. Телефон, черно-белая «Нокия», раздолбанная десятком предыдущих владельцев до полного неpotребства, остался дома. В смысле – у Маратика. Она просто не успела его схватить, когда убегала. Адрес-то Ираида ей дала, но если ей действительно менять место жительства и работу, то надо зайти домой – то есть к Маратику, – и попытаться выручить свои вещи. Хотя бы одежду.

Глава 2

Вчерашняя оттепель подразнила-подразнила да и закончилась. Весной на улице уже не пахло. В принципе рано, начало февраля. Но так хочется... Отчаянно оскальзываясь, Наташка выбралась за ворота больницы и задумалась. Как ни крути, надо искать Маратика. Наиболее вероятное местонахождение ее, теперь уже бывшего, гражданского мужа и работодателя – базар, Центральный рынок. Там, в маленьком прокуренном кафе, хозяева торговых точек и проводили время за бесконечными партиями в нарды. Всю эту компанию пестрой назвать было трудно: горбоносые, черноволосые мужчины, все как один – выходцы из одной северокавказской страны, говорили на быстром гортанном наречии, обильно

приправляя его интернациональным матом, носили исключительно русские имена, не имеющие ничего общего с записями в их паспортах. С незнакомыми вели себя преувеличенно цивилизованно, но Наташка знала, что ей придется простоять рядом с их столиком, всегда одним и тем же, минут двадцать, не меньше, прежде чем кто-то из них обратит на нее внимание. Давным-давно она по глупости сунулась что-то спросить у членов этого мужского клуба, заговорила первая. Никто из них не отреагировал. Никто, кроме Маратика, к которому, собственно, она и обращалась. Тот и отреагировал – встал и влепил Наташке звонкую пощечину. Не больно. Зато дома... Эх, да что там вспоминать.

Сейчас она стояла молча, хотя Маратика за столом не наблюдалось. Ждала – может, скажут, где его искать. И действительно, десяти минут не прошло, смилостивились:

– Чего стоишь? Домой иди, дома он, – сказал Саша, которого на самом деле звали как-то по-другому, сложно.

Это было хуже всего. Если бы он был где-нибудь в другом месте, где-нибудь на людях, – возможно, проблему удалось бы урегулировать миром, без ущерба для здоровья. Она пошла как на каторгу, еле переставляя ноги. На полпути ее вдруг охватило странное, неизвестное ранее чувство. В голове стучало, без конца повторяясь: нет – так нет, нет – так нет. Она остановилась, впервые в жизни смутно жалея, что не курит, даже не пробовала никогда. Вот бы сейчас закурить и спокойно подумать. Кажется, она злится. Причем злится, кажется, на себя. Чего она трусит? Раньше было чего бояться, раньше она боялась потерять дом, мужа, работу, семью. Все в одном флаконе. А теперь-то чего? Будет ли у нее новая жизнь в чужом доме, среди чужих людей, и какой она, эта самая жизнь, будет, если все получится, – это не важно. Все, что было до сегодняшнего дня, и хорошее, и плохое, закончилось. Если бы Наташке сказали, что ничего настоящего хорошего у нее до сих пор не было, – она бы не поверила. Теперь у нее будет другая жизнь. Он не оставил ей выбора. И нечего бояться, подумаешь, пришла трусы свои забрать. Уж на это она как-нибудь заработала. Худо-бедно.

Знакомая дверь показалась Наташке какой-то особенно обшарпанной. Интересно, почему она раньше этого не замечала? Наверное, потому, что дом есть дом, а какой – это не обсуждается.

Она позвонила раз, другой. За дверью обнаружилось неторопливое движение. Наташка бессознательным жестом сунула руки в карманы куртки. Дверь

открылась, на пороге стоял Маратик. Невысокий, ростом едва ли выше нее, взлохмаченный, в наспех накинутом на голое тело любимом бордовом халате, он смотрел на нее с удивлением. Не ожидал. Еще бы, проучил прошлый раз от всей щедрой кавказской души. Наташка стояла на пороге решительная, такой ее Маратик никогда не видел. Оба молчали. Наконец он очнулся:

– Зачем пришла? Я тебе русским языком сказал!

Маратик справедливо гордился своим русским языком – из всей своей базарной тусовки он один говорил без акцента. Ну, почти.

– За своими вещами, – неожиданно твердо ответила Наташка.

– Здесь твоего ничего нет! – разгневанно взвизгнул он.

Она не успела ничего сказать, из глубины квартиры донесся женский голос:

– Котик, кто там?

Он нашел себе другую, оказывается. А она-то голову ломала, за что это он на нее насыпался. Искала, в чем виновата, перебирала день по минутам... Вот дурочка. Просто другая женщина. На секунду Наташке стало интересно: а какая она, эта другая? Красивая или как она, Наташка? Молодая или еще моложе? Маратик как-то обмолвился, что у них предпочитают совсем молодых, лет шестнадцати. Да не все ли равно, опомнилась она. За одеждой своей пришла, вот об этом и думать надо.

– Это твоя бывшая, да? За барахлом своим приперлась, да? Пусть забирает и уматывает отсюда, да, котик? А то выбрасывай тут за ней мусор всякий, да?

Девушка, девчонка еще совсем, была маленькая, белобрысенькая, голубоглазенькая. Зато бюст у нее был совсем не детский. По всем параметрам Наташкины шмотки ей бы не подошли. Ну и хорошо, подумала Наташка, а то еще и не отдали бы. В квартиру ее никто не пустил. Белобрысенькая справилась за пять минут, выставила за порог два пакета с логотипом супермаркета, в котором Наташка работала уборщицей.

– Страшная какая! Прямо Баба-Яга! Бедный котик, как ты с ней жил? – донеслось из-за закрывшейся двери.

Дальше Наташка слушать не стала, подхватила пакеты и понеслась вниз по лестнице. Только внизу ощутила, что саднят ладони. Поставила ношу на снег и поднесла руки к лицу – ее короткие ногти оставили на коже красные полумесяцы. Это она руки в карманы засунула, чтобы показать, что не боится, вспомнила Наташка. И провела бывшего благоверного, он тоже решил, что она не боится. И не ударил. Может, конечно, новой сожительницы постеснялся.

Надо было торопиться на автовокзал. Деревня, или, вернее, дальний пригород, где обитали ее потенциальные работодатели, назывался Гать. Транспорт ходил туда через каждые двадцать минут, только автобус стоил двадцать пять рублей, а маршрутка аж сорок. Наташка решила подождать автобуса.

Интересно, что Ираида сказала ее нанимательнице? Наташка поежилась – можно представить, какое впечатление она произвела, одни синяки чего стоят. И какие у нее будут обязанности? Вроде бы ничего умного – стирка, уборка, может, и зимний сад. Ираида сказала, что хозяйка цветами занимается. Хорошо бы ей растения доверили, возиться с огородом она с детства любила, в городе даже скучала по своим грядкам. А вот стирка с уборкой – страшно. В рекламе по телевизору видела: каких только машин не напридумывали для этого нехитрого дела. Всю жизнь Наташка стирала руками, и ничего, белее белого получалось. Опять же – крахмалить надо, не надо? Сама она крахмального белья не любила – жестко. Машина-то хоть и умная, небось крахмалить не умеет.

А пылесосы! Одних функций – три дня запоминать надо. Это же чистый кошмар! Наташка вдруг поняла, что «чистый кошмар» применительно к пылесосам звучит забавно, и тихо, почти про себя, рассмеялась. Ничего, разберется. А не сможет – так все руками делать будет. Веник, щетка, мокрая тряпка – их-то никто не отменял. Сейчас, в ожидании автобуса, она почти совсем успокоилась: уж больно основательной казалась ее соседка по палате. Если обещала, что возьмут, – значит, возьмут.

За городом весной не то что не пахло, а вообще казалось, что зима – это единственное состояние природы. Четыре часа дня, еще чуть-чуть – и сумерки, заснеженные поля сливались с белесым небом так, что и горизонта не различить. Наташка подумала: а вдруг не найдет в этой самой Гати дом номер тридцать семь, заблудится, несмотря на подробные инструкции? Правда, Ираида

сказала, что он один там такой, с крестьянской халупой не спутаешь, а остальные новые дома за трехметровыми глухими заборами. А Люська не захотела как в тюрьме жить, за забором только участок, а дом на улицу смотрит, через красивые ворота из железных прутьев. Легко найти.

И действительно, нашла сразу. Дом Наташке понравился, без башенок, без колоннады, обычный дом красного кирпича, двухэтажный, высокая крутая крыша под зеленой черепицей, прямо в черепице – окна. Получается, три этажа, а не два. Хорошо бы весной между домом и воротами палисадник разбить, цветов высадить видимо-невидимо, чтобы до поздней осени красота была.

К воротам прилагалась калитка, но звонка Наташка не нашла. Смеркалось уже совершенно недвусмысленно, если она не попадет в дом, то ночевать ей в этой Гати, причем – неизвестно где и как. Она запаниковала, тихо постучала по прутьям, не надеясь, что кто-нибудь ее услышит. Свет на высоком крыльце вспыхнул в ту же секунду. На пороге стояла стройная женщина в светлых брюках и свитере. От ступенек до калитки вела узкая тропинка, а по бокам высились полуметровые сугробы. Женщина шла быстро и, еще не доходя до ворот, начала говорить:

– Здравствуйте, вы, наверное, Наташа, Идкина знакомая? Как вы добрались, замерзли, наверное?

Женщина подошла близко – и сразу стало понятно, что внутренне она вся замерла. Синяки разглядела, догадалась Наташка. Хоть бы сразу не прогнала, подумаешь, синяки, может, она упала просто...

– Проходите, пожалуйста, – сказала женщина.

Пока они шли по рукотворному снежному ущелью, хозяйка молчала. Так же молча вошли в дом. Дом начинался не с коридора, как привыкла Наташка, а с довольно большого и почти пустого помещения. На полу – светлый пушистый ковер, а стены голые, ни ковра, ни картин, ни фотографий. Не обжились еще, подумала Наташка, Ираида говорила, что недавно переехали. Возле огромного зеркала стоял карликовый диванчик, а по всему периметру – кадки с большими разлапистыми цветами. И даже не кадки, а керамические вазы, двухведерные, а то и больше. Красиво.

– Пойдемте... На кухню, что ли... – сказала хозяйка.

Наташка сбросила ботинки, слава богу, носки не дырявые, пооглядывалась, куда бы положить куртку, не нашла – и пристроила на пол, в уголок между стеной и диванчиком. Дверей было четыре, но открытой была только одна, та, в которую ушла женщина. Наташка пошла следом.

Кухня поражала воображение. Здесь без труда разместился бы десяток поваров, да и всякие приборы – такие, как по телевизору показывают, блестящие, невиданной формы, – тоже наличествовали. Впрочем, здесь же располагалась и столовая: овальный стол и шесть стульев с высокими спинками. На двух широченных подоконниках – опять цветы. Все это Наташка разглядела только потому, что хозяйка продолжала молчать.

– Присаживайтесь. Может, расскажете немного о себе? – Хозяйка наконец нарушила затянувшуюся паузу.

Вот этого Наташка не ожидала. Ираида должна была рассказать, она же сказала, что обо всем договорилась.

– Да, я же не представилась. Меня зовут Людмила.

Людмила. Интересное дело: что ж – ее просто так, по имени звать? Наташка растерялась совсем. Хозяйка ждала, надо было что-то говорить. В двух словах, решила Наташка, без подробностей. Родилась в деревне, образование не закончила, в городе работала уборщицей, с Ираидой познакомилась в больнице. Все. Немного помолчав, зачем-то добавила – не замужем. Людмила смотрела на свои руки, изящные, без маникюра, но с парой колечек, и молчала. Не возьмет, ни за что не возьмет, отчетливо поняла Наташка. И куда ей теперь? Ладно, Гать эта километрах в восьми от города, дойдет, не барыня. А в городе-то что? Пойти удавиться? И то некуда, не на улице же. Отчаяние, тщательно скрываемое даже от себя самой, захлестнуло ее с головой:

– Возьмите меня... Христом Богом прошу – вы не пожалеете! Я все-все делать буду, никакой работы не боюсь, честное слово! Мне некуда идти, только в петлю...

Наташка бросилась перед женщиной на колени и в ту же секунду поняла, что сделала нечто невыносимое, невозможное, отвратительное. Что так нельзя ни при каких обстоятельствах. Людмила, кажется, тоже это поняла. Она быстро опустилась на колени рядом с Наташкой, обняла ее за плечи и торопливо заговорила:

– Ну что ты, что ты... Вставай! Конечно, будешь делать, я тебе все покажу, все объясню, вставай, – и уже спокойней добавила: – Никогда так больше не поступай. В этом нет никакой необходимости, ты очень хорошая, я сразу поняла. Успокойся, давай лучше чаю попьем, а потом я тебе комнату твою покажу.

Больше всего на свете Людмиле хотелось сказать: не плачь. Но Наташка и не плакала, только вздрагивала всем телом, как от сильной боли.

Как они пили чай, Наташка почти не запомнила. Старалась, чтобы руки не тряслись, а то скатерть зальет. Людмила рассказывала про сына: мальчик во втором классе, а уже и в музыкальной школе учится, и в художественной, три дня в неделю там, три – там. По вечерам его дома практически не бывает, часов в восемь муж или его сестра из города привозят. Андрюшка ребенок очень одаренный и во всех школах одни пятерки получает...

Хозяйка явно гордилась мальчиком. А Наташка слушала и думала: когда же он играть-то успевает, на улице гулять? Рисовать – ладно, дело нехитрое, да и какой спрос с восьмилетки. А вот музыка... Она искренне не понимала: как это музыке можно научиться? Или ты умеешь петь, например, или не умеешь. А инструмент – вообще темный лес, как же можно запомнить, куда надо пальцы ставить или какие струны перебирать? Но мнения своего не высказала – вдруг Людмила обидится?

– А как вас по отчеству? – решила наконец спросить хозяйку Наташка в нечаянной паузе. – А то я не могу так.

– Чепуха, Наташа. Не надо по отчеству. По-моему, и выкать ни к чему. Вот тебе сколько лет?

– Двадцать три... – Наташка отчего-то опять смутилась.

– А мне двадцать восемь. Скоро будет. Так что будем мы с тобой просто Люда и просто Наташа, ладно? Пойдем устраивать тебя на новом месте.

Людмила тоже отчаянно смущалась. То, что произошло между ними час назад, совершенно не вписывалось в ее представления о жизни. До какой невероятной степени отчаянья нужно было довести несчастную девочку, чтобы она сделала то, что сделала? Что Наташка не играет, не истерит на публику – это Людмила поняла сразу. Для себя она решила две вещи: во-первых, в ее доме девочку больше никто никогда не обидит, а во-вторых, никто и никогда о том, что случилось, не узнает.

Хотя вопросов, конечно, не избежать.

Например, муж. Он знает, что она ищет помощницу по хозяйству. И знает, что ищет вяло, все пытаюсь привыкнуть к новому большому дому, надеясь, что справится сама. Рекомендация Ираиды, лучшей и единственной на все времена подруги, для него ничего не значит, они друг друга не сильно жалуют. Да бог с ним, с Володькой, пусть думает что хочет. Вот сын у нее не сразу воспринимает новых людей, особенно дома. Он и сам дом поначалу не любил, норовил уроки в кухне делать, пока она с ужином возится. А ведь детскую оформляли с особым пристрастием, она из мастеров всю душу вынула, чтобы только Андрюшке комната понравилась. С ним придется поговорить вдумчиво, объяснить, что тетя Наташа хорошая.

Комната на втором этаже, предназначенная для домработницы, изначально такого статуса не имела. Обычная гостевая спальня, обставленная с некой долей вкуса, но без признаков индивидуальности. Там никто и не ночевал ни разу.

– Это что, правда моя комната? – Наташке показалось, что она попала во дворец. Потолки высоченные, люстра – хрусталь, а шторы... Это не шторы, а какие-нибудь гардины, или портьеры, или еще что-нибудь такое же невиданное. Не окно, а произведение искусства. А еще было очень много места. Шкаф, кровать, стол с большим зеркалом и кресло не занимали и десятой доли пространства. Наверное, вся квартира, в которой она жила с Маратиком, была меньше этой чудесной комнаты.

– Ты что, ожидала, что в каморке под лестницей будешь жить? – попыталась пошутить Людмила. Заметила выражение Наташкиного лица и поняла: кажется,

девочка именно этого и ожидала. Людмила помолчала, вздохнула и с досадой сказала: – Да что же с тобой такое? Прямо не знаю, плакать или смеяться... Нет у нас каморки под лестницей, сама лестница есть, а каморки нет. Пойдем, ванную покажу. Против ванной ты ничего не имеешь?

– Не имею, – сказала Наташка и про себя очень обрадовалась. Ей с того самого вечера, с которого, как выяснилось, началась ее новая жизнь, нормально помыться так и не удалось.

Ванная тоже поражала воображение. В этой ванной можно было жить. Кровать – не такая шикарная, а обычных, человеческих размеров, – сюда без труда влезет, и даже место останется. А кафель! Честное слово, Тадж-Махал какой-то, а не ванная! Людмила догадалась, почему Наташке не хочется отсюда уходить, и отправилась за чистым полотенцем. Когда она вернулась, ее новая помощница по хозяйству стояла на том же месте и в той же позе. Боится не разобраться, что к чему, поняла Людмила, быстро открыла краны, показала флакончики с гелями, пенами, шампунями и вышла.

Вернулся домой Андрюшка, доложил матери обстановку на всех трех образовательных фронтах, поужинал и отправился к себе трудиться над многочисленными домашними заданиями, а Наташки все не было. Людмила даже боялась предположить, что могло случиться с помощницей по хозяйству в таком безобидном месте, как ванная. Она постучалась в дверь, не дождалась ответа и, уже всерьез встревоженная, вошла. Оказалось, Наташка просто заснула, разморенная горячей водой. Она спала сидя, сжавшись в комочек, вцепившись обеими руками в край ванны и положив голову на сгиб локтя. Людмила осторожно тронула эту лохматую голову – и Наташка мгновенно проснулась, сжалась еще больше, пару секунд тарщила испуганные глаза, потом страшно покраснела и сказала с почти паническим выражением:

– Я нечаянно... Я сейчас все сделаю...

– Чего ты все время боишься? – сердито спросила Людмила, без особого успеха стараясь скрыть острую жалость. – Ну, уснула и уснула, ничего особенного. Или ты думаешь, что тебя за это уволят?

– Я не боюсь, – неуверенно ответила Наташка. Подумала и добавила уже уверенно: – Я уже ничего не боюсь, правда.

Глава 3

Наташка проснулась от тишины. Все правильно, дом-то в деревне. Ни дороги под окном, ни загулявших за полночь подростков, ни тоскливого отдаленного перестука электрички, ни завывания хора дворняжек. Тихо и темно. Интересно, сколько сейчас времени? Спать совершенно не хотелось. После ее конфуза в ванной Людмила и слушать не стала про экскурсию по дому, прямо в махровом полотенце отправила в спальню, выдала длинную футболку и велела спать. Наташка пыталась сопротивляться, но желание спать подавило желание соблюдать приличия. Почти сквозь сон она услышала, что завтра они с хозяйкой поедут в город, по магазинам. А зачем – не успела услышать, просто отключилась, как перегруженный электроприбор.

Не видела прикатившего поздней ночью хозяина, не слышала, как перед этим Людмила разговаривала по телефону с дядей Колей. А разговор был в том числе о ней, о Наташке. Впрочем, ничего судьбоносного не прозвучало, только сам факт: на ниве домашнего хозяйства она, Люда, теперь не одинока. Неведомый дядя Коля сетовал: мол, не домработниц нанимать надо, а переезжать с сыном куда-нибудь в Париж. Или Лондон – хороший город на предмет образования для Андрюшки. В самом конце разговора суховато спросил: «Все по-старому?» Людмила промолчала, и он сердито ответил сам себе: «Да, все по-старому. Дура ты, Людка».

А то она сама не знала. Но думать на эту тему не хотелось. Зачем? Все равно ничего не изменится.

Сейчас ей хотелось думать о Наташке. Конечно, поначалу хлопот с девчонкой будет куда больше, чем помощи от нее. Все, от одежды и обуви до расчески, придется купить. Людмила своеобразно относилась к прогулкам по магазинам. Одно дело – бесцельно шататься, мотая нервы продавцам, как мужнина сестрица, и совсем другое – отправляться в магазины с совершенно конкретной целью. В данном случае экипировать Наташку «от рояля до булавки», да еще ухитриться не обидеть девочку при этом. Ничего, если будет брыкаться, то можно сказать, что из жалованья потом вычитать будут. Людмила поулыбалась в темноте, представляя, как повезет завтра Наташку по магазинам, и заснула.

Наташка о планах своей хозяйки ничего не подозревала, поэтому, проснувшись, тут же стала строить собственные планы на день. Ее не для того взяли, чтобы она в ванне спала и до полудня в постели валялась. Ее приняли на работу.

Занятие на утро она присмотрела себе еще вчера: снег. В принципе другого и быть не могло, ведь в доме она только кухню, ванную и свою комнату видела. Все это было в идеальном порядке. А тому, кто здесь снег чистит, надо руки отбить за такую работу. Во-первых, умные люди всегда убирают от фундамента примерно на метр. Во-вторых, что это за дорожка до калитки такая, полметра в ширину? А если кто в длинной шубе пойдет? Лопату она тоже заметила вчера, сбоку от крыльца. Ерунда, конечно, а не инструмент, – пластиковая. То ли дело у матери, в деревне – большая, фанерная, легкая, а краешек жестью обит. Привычной лопатой она быстро бы управилась, а пластиковой – кто его знает.

Снег был легкий, веселый – оказывается, оттепель только в городе расквасилась. Для начала Наташка решила расчистить периметр. Нетронутое легче кидать. Через пять минут она оставила куртку на перилах крыльца. Мать в детстве всегда говорила: кто работает, тому не холодно. И правда, хотелось еще и свитер скинуть, но нельзя, простудиться недолго, а ей сейчас ну никак нельзя заболеть.

Она уже заканчивала чистить снег с третьей стороны дома, когда дверь открылась. На пороге стоял бритый наголо мужик, высокий, плотный, в дубленке нараспашку. Хозяйкин муж, догадалась Наташка. Поскольку вчера, когда он домой заявился, она уже спала и официально представлена ему не была, от работы она решила не отрываться. Владимир – вот как его зовут, Людмила вчера обмолвилась. Ничего такой Владимир, представительный, Вовкой небось даже друзья не называют. Мужик неторопливо вытащил из кармана пачку сигарет, долго прикуривал, с видимым удовольствием затянулся и только потом оглянулся на звук лопаты.

Снег чистил в каком-то непонятном месте тоненький паренек, лохматый, как бобтейл. Они молча кивнули друг другу и занялись каждый своим делом. Владимир пошел греть и заводить машину, Наташка продолжила споро кидать снег.

Интересно, что за домработницу Людка себе нашла? Хорошо бы, если бы симпатичную и сговорчивую. Владимир даже улыбнулся проплывшей перед его внутренним взором сногшибательной диве в кружевном переднике. И что это за

пацан лопатой орудует, в деревне вроде все мужики в возрасте? Впрочем, и фантастической красоты домработница, и белобрысый подросток были быстро забыты, предстоял нудный и трудный день.

* * *

Наташка тоже недолго помнила о представительном мужике в дубленке. Она как раз закончила бросать снег от фундамента последней стороны дома и вернулась к фасаду, к узкой тропинке между сугробами. С тропинкой оказалось сложнее: расширяя ее, приходилось перекидывать уже спрессованные сугробы. Наташка почувствовала, что устала, решила отдышаться, остановилась, опершись на лопату. Отдыхала и радовалась: как все-таки приятно встать рано и хорошенько размяться. Каждая мышца поет, дышится легко – и ни одной грустной мысли в голове. Этим утром Наташку переполняла уверенность, что все будет хорошо. Все-все будет просто замечательно. И на дворе-то – февраль, самый тоскливый месяц в году. А весной, летом – да что там, и осенью! – красотища в этой Гати, наверное, просто невозможная...

...Людмила была удивлена, и очень неприятно удивлена: время половина девятого, а помощница по хозяйству дрыхнет как сурок. Как медведь в январе. Или когда им там лучше всего спится? В принципе время подъема они вчера не оговаривали, но вся семья уже позавтракала и разъехалась, а ее нет. Людмила пошла будить Наташку, и тут, поднимаясь по лестнице, увидела ее в окно. Раздражение сразу сменилось раскаянием – ее помощница по хозяйству стояла возле калитки с лопатой для снега в руках. Что это она выдумала – снег чистить! Этим совершенно другой человек занимается. Это совершенно не женская работа. Да еще и без завтрака. Во сколько же девочка встала? Людмила отправилась восстанавливать нормальный порядок вещей.

– Доброе утро! – издали закричала веселая, румяная, по всей видимости, очень довольная жизнью Наташка и помахала ей рукой.

– Бросай, кушать пора, – позвала Людмила.

Но та сказала про пять минуточек еще, и Людмила вышла во двор. Масштабы снегоуборочных работ поражали: казалось, здесь не одна девочка трудилась, а целый взвод солдат. Людмила, зябко обнимая себя за плечи, с удивлением оглядывалась. Понятно, почему Наташка такая худенькая. Если вот так

привыкла работать – так это какая же трата калорий? А она еще и на голодный желудок...

– Тебе как следует поесть надо, – озабоченно сказала Людмила. – Ты чем обычно завтракаешь?

– Какая разница? – искренне удивилась Наташка. – Чай, бутерброд. Наверное. Можно просто чай с хлебом.

Людмила жалостливо качнула головой и принялась перечислять все возможные варианты хорошего завтрака. Наташка, не прерывая работы, с удовольствием слушала, ахала, удивлялась, выражала недоверие и смеялась. Через пять минут она отбросила с заметно расширившейся дорожки последнюю лопату снега и охотно пошла в дом за Людмилой – совмещать завтрак с изучением кухонного пространства и его возможностей.

Но Людмила сказала, что завтрак – это святое, а изучение пространства подождет.

Людмила торопилась в город. Это только кажется, что пустяк – двадцать минут туда и столько же обратно. Дел выше крыши, и начинать надо с парикмахерской. Только вот как бы поделикатнее сказать Наташке, что у нее на голове воронье гнездо из жутко неудачной «химии» и провалившегося эксперимента с покраской в альбиноса. Корни своих волос уже показали, пепельно-блондинистые, очень необычный и приятный оттенок. Чуть-чуть в зеленое, серо-зеленое. Хотя, может, это освещение шутики шутит? Зачем, интересно, она волосы жгла, какого эффекта пыталась добиться?

Потом надо купить обувь – домашнюю, уличную и что-нибудь простенькое и элегантное на все случаи жизни. Одежда, белье... Что же ей все-таки наврать, чтобы не отказалась?

Наташка о Людмилиных планах, конечно, не подозревала, она интересовалась хозяйственными вопросами: где какие продукты стоят, как плита работает, сложная ли штука посудомоечная машина, всю посуду можно брать, или есть каждодневная и парадная, сколько раз отмораживать холодильник, у них с мамкой прямо беда, два раза в месяц приходилось, потому что старый совсем...

Позавтракала она быстро. Людмила усмехнулась про себя: правду говорят, кто как работает, тот так и ест. Сразу вымыла чашку, ложку и ножик, огляделась в поисках посудного полотенца. Людмила поторопила: все, хватит, а то ничего не успеем, одевайся, поехали, под глазами припудри слегка... Наташка охнула: вспомнила про синяки. Что о ней хозяин с утра подумал? Ужас! Но зеркало слегка утешило ее – клеймо ее прошлой, закончившейся жизни пожелтело, стало совсем светлым. Все как на собаке заживает, с гордостью подумала она. И правда, под пудрой совсем ничего не заметно.

С автовокзала сразу отправились на другой конец города, Людмила сказала, что им обоим нужно привести себя в порядок. С Наташкиной точки зрения хозяйка была в полном порядке. Но если надо, так надо. В парикмахерской Наташка ни разу не была. Никогда в жизни. Вот такой получился пробел в образовании. В детстве ее стригла мать, до больницы – той самой больницы – у нее отросла была коса – коротенькая, но толстая и пушистая, из которой в целях удобства санитарка в первый же день соорудила примитивное укороченное каре. Хорошо, что хоть наголо не обрила...

Поддерживала этот нехитрый имидж Наташка самостоятельно, а перед самым Новым годом Лизка, веселая пьяница и по совместительству добрая душа, сделала ей «химию» у себя на кухне. Наташка подозревала, что в рамках эксперимента, для тренировки. Получился кошмар, не укладывающийся ни в какие рамки, причем как в прямом, так и в переносном смысле. Лизка пробовала исправить положение, перекрасив Наташку в платиновую блондинку, после чего волосы больше всего стали похожи на старомодную мочалку из тонкой лески.

Перед Новым годом бедной Наташке мучительно хотелось избавиться от этого кошмара самыми радикальными мерами. Например, сбрить эту мочалку наголо. Но она не рискнула. И Лизка обидится, и Маратик прибудет. Так и ходила как одуванчик.

Сейчас ее волновали два вопроса: первый – возможно ли вообще соорудить на ее голове хоть что-нибудь приличное; и второй – если можно, то сколько это будет стоить. У нее осталось три сотни с какими-то копейками.

Мастерица повернула Наташкино кресло спинкой к зеркалу. Виновато улыбаясь Людмиле, резво защелкала ножницами. Волосы падали на пол, как хлопья грязноватой мыльной пены. Наташка обреченно закрыла глаза.

– А и ничего, Людмила Александровна. На мальчика похожа, но цвет и фактура вполне человеческие, – удивленно сказала парикмахерша минут через двадцать. Она развернула кресло к зеркалу, и Наташка, не дыша, открыла глаза. Да уж, одно слово – мастер. Из зеркала ей неуверенно улыбался светловолосый и сероглазый подросток неопределенного пола. Симпатичный. Только с косым шрамом на подбородке.

Дальнейшее Наташка воспринимала смутно, как яркий, красочный сон, не имеющий никакого отношения к жизни. К ее жизни. Они садились в транспорт, куда-то приезжали, что-то мерили... Вернее, мерила одна Наташка, а Людмила только кивала или качала головой. Наташка не узнавала себя в зеркале, терялась, даже, можно сказать, слегка пугалась и поэтому не задавала никаких вопросов. А Людмила ничего не объясняла, но выглядела очень довольной.

Наташка все думала: что же в ней так разительно изменилось за одно, пусть и очень длинное, утро? Почему ее отражение в зеркалах и в витринах магазинов кажется ей чужим? Неужели дело в короткой стрижке?

Людмила тоже смотрела на Наташку с радостным удивлением. Стрижка, конечно, очень изменила внешность, очень... Но дело было в другом. Дело было в том, что исчез затравленный звереныш. Перепуганный, зависимый, готовый в любой момент либо бежать, либо, виляя хвостом, ползти к источнику опасности, как щенок, которого хозяин только что наказал, но зовет опять. На месте запуганного существа сейчас была совсем юная девушка, почти ребенок. Удивленная, растерянная и... радостная.

Только бы не спугнуть, подумала Людмила. Вчерашняя Наташка вызывала жалость и острое желание помочь, спасти. Сегодняшняя была как чистый лист. И следовало воздержаться от искушения заполнить его своим опытом, своей правдой. Она сейчас как экзотическое растение из зимнего сада, которое легко погубить излишней заботой. Надо просто создать благоприятные условия для роста. В данном случае – обыкновенное человеческое участие, ненавязчивое приятие будет куда уместнее роли Пигмалиона.

Только на обратном пути Наташка спохватилась: за все платила Людмила. Парикмахерская, увесистые пакеты в руках у обеих. Это же сумасшедшие деньги! Как она будет рассчитываться с хозяйкой? Спросить было страшно. Людмила тоже молчала, но ее молчание было совсем другим. Молчание человека, который на совесть выполнил сложную задачу и доволен результатом.

Молчание глубокого морального удовлетворения.

– Людмила, сколько вы денег-то на меня потратили? – все-таки отважилась спросить Наташка.

– Ты же раньше на такой работе не работала, вот и не знаешь просто... Твой имидж, ну, внешний вид, грубо говоря, – это моя забота. Согласись, что эта стрижка тебе больше идет. А если не нравится, то кто тебе запрещает попозже придумать себе другую? – Людмила противоречила сама себе, но ее несло, лишь бы замять этот разговор про деньги. – Ты проголодалась? Я, например, ужасно после магазинов устаю, слона съесть готова.

Наташка не устала. И есть совсем не хотела. Слишком много впечатлений, она была просто переполнена новыми впечатлениями. А еще в работу вникать надо, а то помощница называется: вчера спать завалилась, ничего сделать не успела, сегодня половину дня красоту наводила. И тоже сделать ничего не успела, даже не огляделась как следует. Больше всего ее интересовал зимний сад. Жалко, если одно название, если недавно все посадили и ничего еще не выросло...

Во время обеда из сооруженных наспех бутербродов со сливочным маслом и красной рыбой они завели разговор о кулинарии. Опасения Людмилы насчет способностей, а главное, познаний Наташки в этой области оказались напрасными. По крайней мере, говорить она на эту тему могла, и звучало все вполне грамотно. Деревенская, по собственному признанию, девчонка щеголяла терминами из итальянской и восточной кухни. Правда, иногда путала ударения в словах. Было понятно, что предмет ей знаком, но вот названий она никогда не слышала, а только читала.

Впрочем, среди Людмилиных знакомых попадались незаурядные теоретики, в ста процентах случаев портившие любой набор продуктов до состояния полнейшей несъедобности. Например, свекровь. Вместо плова у нее всегда получалась каша-размазня, жюльены в ее исполнении напоминали клейстер, а обычная окрошка годилась только для помойного ведра. При таких постоянных результатах дама пребывала в уверенности, что она кулинарный гений. Так что знание специфической лексики не освобождает от ответственности. Людмила решила предоставить своей помощнице карт-бланш.

Пусть готовит, что считает нужным, что лучше всего у нее получается. В конце концов, гостей сегодня не ожидается, да и времени достаточно, в случае фатальной неудачи можно самой включиться в приготовление ужина. Но контролировать Наташку она не стала, ушла возиться в зимний сад. Там ей лучше всего думалось.

Подумать было о чем. Вот она приютила – если верить Ираиде, просто-напросто спасла – одинокую девочку. А между прочим, дома-то не все гладко, и появление Наташки ситуацию может только обострить.

Во-первых, муж... Володьку она знала с детства. Они учились в одной школе, только он на год старше, жили в соседних домах с общим двором. И на лето она переставала быть для него малявкой, становилась полноправным участником шайки малолетних индейцев, ниндзя и других ковбоев. Конкретный фасон их банды напрямую зависел от того, какие книги читал или какой фильм посмотрел Володька, неизменный лидер, заводила и вождь. Лет до тринадцати расклад не менялся: в школе он не обращал на нее внимания, во дворе она была необходима, как единственная возможная радистка Кэт, принцесса Пакохонтес, незаменимая подруга Индианы Джонса. В какой-то неуловимый момент все изменилось. Это теперь Людмила понимала, что пубертатный период, в котором их компания подзадержалась, для Володьки пролетел гораздо быстрее. Пока все они азартно поливались водой на Ивана Купалу и строгаги кухонными ножами самодельные луки и стрелы, его уже вовсю стали интересовать барышни. Когда ему стукнуло четырнадцать, его барышням в основном было по семнадцать. Опять же внешность: Володька даже в четырнадцать выглядел как молодой человек, перспективный для романа.

В ней он разглядел достойный усилий объект, когда она перешла в одиннадцатый класс. К этому времени консервативность ее семейства уже наложила на ее образ мыслей свой отпечаток. Если в тринадцать перемазанное чучело с синяками на коленках волновало родителей только тогда, когда дело касалось учебы, то к моменту, когда ей захотелось красить губы, предки всерьез озадачились ее нравственностью. Опасения были более чем напрасными: девочка, воспитанная на классической литературе, и подумать не могла о пресловутом поцелуе без любви. Володька вился вокруг нее ужом, она сдержанно принимала его уже умелые ухаживания, но сама страстью не пылала. Этот очевидный факт доводил кавалера до иступления. Как же так – все остальные прямо падают в его объятия, как перезрелые груши, а эта искренне не понимает, чего он от нее добивается. Соблазнить бывшую подругу по детским

играм удалось благодаря исключительно трагедии ухода в армию. В далекий край товарищ улетает...

Надо отдать ему должное, в предармейский сексуальный марафон он вложил душу. И партнерша была, с одной стороны, прелестная, с другой – неискушенная, и предстоящее воздержание подогревало. Он был романтичен до смешного, а собственно говоря, что еще нужно девушке для того, чтобы ощутить невообразимо острое чувство первой любви? На вокзале Людмила рыдала, клялась и махала рукой до тех пор, пока поезд не скрылся. Не на горизонте, а так, за близким изгибом железнодорожного пути. Она пришла домой и сразу начала писать свое первое письмо любимому в армию...

В армии Володька не задержался, комиссовали. Труднопроизносимый диагноз, как много позже догадалась Людмила, обеспечил сыночку любящий родитель, сделав неожиданный подарок в особо крупных размерах городскому военному. В принципе мог бы и раньше, но «косить» от службы Иван Алексеевич считал делом чуть ли не антигосударственным, а уж неприличным – в любом случае. В результате и волки наелись – в смысле общественное мнение сложилось правильное, – и агнец не подвергся всем тяготам и опасностям армейской службы.

Трехмесячное пребывание «в сапогах», бесконечные разговоры в казарме о том, как далекая любимая ждет, побудили Володьку к поступку, на который он, будучи в здравом уме и соответствующей памяти, не решился бы. А тут еще родители подлили масла в огонь: давай, мол, сыночек, женись, а то мы с Александром Михайловичем бизнес слить решили, распишетесь с Людкой, детей нарожаете, все вам достанется, все в семью.

Людмила, тогда просто оглушенная вынужденной разлукой, за три месяца успела влюбиться по уши. Может, если бы прошло побольше времени, она и переключилась бы на что-нибудь другое. Ведь она только что поступила на филфак, появились новые подружки, знакомые, занятия, интересы...

Но, видно, судьба: их с Володькой пригнали в ЗАГС как баранов, шумно отгуляли свадьбу, объявили просто потрясающе красивой парой и оставили строить семейную жизнь. В статусе жениха и невесты они с Володькой пробыли ровно две недели, причем все это время приготовления к торжеству шли столь бурно, что никто из них собственного мнения выразить не успел. Впрочем, их мнение никого и не интересовало. Не сопротивляются решению семей? Вот и хорошо,

значит – согласны.

Дальше крепкого фундамента, предоставленного родителями, – не новая, но вполне приличная машина, изготовленная трудолюбивыми французами, двухкомнатная квартира, солидная должность в совместном семейном бизнесе, зарплата, неоправданно высокая для такого молодого человека... – так вот, дальше всего этого дело не пошло. Вернее, пошло, но не так, как хотелось бы.

Людмила училась, ждала Андрюшку, забеременев чуть ли не в первую брачную ночь, и всем сердцем любила мужа. А муж начал свое триумфальное восхождение на донжуанский олимп. Сначала она подозревала, молчала и мучилась, потом начала находить доказательства, но какие-то неубедительные. То подозрительно не рыжий волосок на воротнике пиджака, то посторонний, отвратительно-сладкий запах духов от Володькиного шарфа, то не менее подозрительный телефонный звонок около полуночи, и муж уходит разговаривать в другую комнату. Паранойя на фоне беременности, думала она вечером, а утром, когда он уходил, была готова, наплевав на скверное самочувствие, на свои опухшие ноги, красться за ним по городу, куда бы он ни шел. Она так и не проследила за ним ни разу – гордость, отвращение, бесполезная, вбитая с детства порядочность, которая только портила ей жизнь. Конечно, свои нерадостные догадки Людмила ни с кем не обсуждала. Ну, почти ни с кем. Даже имея она неопровержимые доказательства его бесконечных приключений, что бы изменилось? Она любила его, а он под градом упреков мог бы и уйти. Что на самом деле не мог – она не знала: оказывается, только их брак был гарантом совместного семейного бизнеса. Теперь, прожив с ним без малого десять лет, знала. И что толку? Ее первая и единственная любовь никуда не делась.

Даже сейчас, к тридцати годам, Володькины вкусы не изменились – ее муж был неуправляемым кобелем, кобелем самого распоследнего пошиба. Округлить какую-нибудь юную дурочку, чуть ли не вдвое моложе себя – для него это было что-то вроде спорта. Сценарий не менялся: красавец мужчина, бездна обаяния, ни секунды, чтобы опомниться... Потом несчастные барышни обрывали телефон, засыпали ветреного кавалера эсэмэсками, подкарауливали на улице...

Некоторые, особо несчастные, ухитрились даже Людмиле жаловаться, принимая ее то ли за сестру, то ли за матушку прекрасного принца. Обида на беспутного мужа с годами перестала быть пронзительно острой, но у такого образа жизни могли быть последствия, и Людмила это прекрасно понимала. Он мог притащить

домой какую-нибудь заразную гадость. В возможных гадостях она совершенно не разбиралась и боялась даже не за себя, а за сына. Среди его дюймовочек могла попасться барракуда, и тогда он просто бросил бы их с Андрюшкой, ушел бы к молодой, наплевав на все. А что, таких случаев – миллион.

В конце концов, физиологию еще никто не отменял – какая-нибудь из его многочисленных пассий могла забеременеть. И что тогда? Жизнь на две семьи? Невыносимо. Аборт? Учитывая возраст его избранниц, невозможно. Взять на себя ответственность за чью-то искалеченную судьбу? Своих грехов вагон...

При всем при том он был неплохим мужем: практически не пил, не бил, принимал участие в Андрюшкиной жизни, деньгами семью обеспечивал, не попадался, как в юности, на мелочах... Не считая, конечно, выходок самих девиц. Сам Володька свои похождения нигде не афишировал.

Собственно, в курсе ситуации на сегодняшний день были двое. Ираиде плачь Ярославны Людмила как-то закатила сама после того, как в течение двух часов отговаривала очередную брошенную Володькой девицу прыгать с девятиэтажки, завершив переговорный процесс ошеломляющим для собеседницы заявлением, что она, Людмила, вовсе не сестрица коварного соблазнителя, а напротив, законная супруга. Соблазненная бедняжка тогда с перепугу бросила трубку и больше не звонила. Но прыгнуть – не прыгнула, городок небольшой, в местных новостях сказали бы.

А дядя Коля, несмотря на отсутствие какого бы то ни было образования и репутацию опасного и непредсказуемого человека, со своим звериным чутьем сделал верные выводы самостоятельно. Задал как-то пару наводящих вопросов... Она упрямо отнекивалась, да против упрямства дяди Коли ее собственное упрямство не выстояло. Никаких мер он не принял, пожалел ее. Вот тебе и непредсказуемый. Оба они, дядя Коля и Ираида, Людмилиного мужа недолюбливали, но в дела семейные не влезали.

Людмила думала свои привычные думы, а сама возилась в зимнем саду, забивая ногти землей, до тех пор, пока не поняла, что ее что-то смущает. Что-то было не так, непривычно, странно... Не то чтобы неприятно, скорее – наоборот, но что именно – это Людмила поняла не сразу. Потом догадалась: запах! Ошеломляющий запах доносился до зимнего сада аж с первого этажа, с кухни. Что-то там девчонка наколдовала жутко аппетитное: пахло мясом, томатом, кажется, чесноком, перцем, паприкой... Еще чем-то вкусным. Но что именно

приготовила Наташка – этого Людмила угадать не могла.

Она торопливо вымыла руки над раковиной, огороженной в уголке зимнего сада, и отправилась с инспекцией на кухню. Наташка мыла посуду и напевала в стиле регги, но без слов. Плита была пуста и идеально чиста. Людмила остановилась на пороге, пытаясь сообразить, откуда доносится аромат, не сообразила и сдалась:

– Пахнет потрясающе. Только не пойму, где еда.

Наташка оглянулась, заулыбалась навстречу ей, весело сказала:

– Где ж ей быть, в духовке. Я тут не нашла, как газ включить, и вас тоже не нашла, покричала, покричала... А в духовке газ загорелся, ну я и решила плов там делать. Это ничего?

Последние слова она произнесла неуверенно, почти испуганно, и Людмила торопливо ответила:

– Почему же ничего? Очень даже чего! Судя по запаху, просто фантастика. А чего ты туда насовала? Вроде для плова баранина нужна, а ее в холодильнике не было, и айвы тоже не было, и барбариса, а что в плов можно болгарский перец запихать, я вообще в первый раз в жизни слышу. Вернее, чую. Носом.

– Ой, вы болгарский перец не любите, – огорчилась Наташка. – А я и не спросила...

– Обожаю болгарский перец, честное слово, – твердо сказала Людмила.

Экскурсию по дому снова отложили – вот-вот должны были съехаться домашние. Алена, Володькина сестра, наверняка на ужин останется, хотя бы из чистого любопытства. Решили в оставшееся время разобрать сегодняшние покупки, принарядить Наташку к первому ужину. Первому во всех смыслах – и в этом доме, и приготовленному ее руками.

Глава 4

Глядя на переодевшуюся Наташку, Людмила не могла отделаться от мысли, что все-таки, пусть неосознанно, играет в Пигмалиона, создателя и творителя. Светлые, но специфического, немаркого оттенка слаксы и коричневато-зеленая тишотка, чуть в талию, напоминали ее собственное одеяние для домашнего обихода. Волосы у Людмилы были куда длиннее и рыжее, да, пожалуй, бюст побольше. На этом радикальные различия между двумя женщинами, отражающимися в большом зеркале, заканчивались. При определенной доле воображения их можно было принять за двух сестер, старшую и младшую. Хотя то мальчишеское, что рассмотрела Людмила еще в парикмахерской, никуда не делось. Подросток-унисекс. Украшение ей подарить какое-нибудь, что ли? Восьмое марта скоро, а то мальчишка мальчишкой.

А Наташка млела: никогда в жизни она не чувствовала себя такой элегантной, утонченной, почти аристократичной. Прощай навсегда вытертые джинсы и растянутая «лапша» из секонд-хенда. И что бы там Людмила ни говорила про свою ответственность за внешний вид домработницы, деньги за это великолепие Наташка обязательно отдаст. В лепешку расшибется, а отдаст.

Из этих размышлений их выдернула трель дверного звонка – приехали Алена и Андрюшка. Компанию им составил, к удивлению Людмилы, Владимир. На помощницу по хозяйству явился полюбоваться, отложил ежевечернюю прогулку по злачным местам, – сделала вывод она. На стол они накрывали сегодня вместе, Наташка пока не знала, что где искать. Людмиле и мысль в голову не приходила ужинать отдельно от домработницы. Хотя бы потому, что столовая и кухня были единым пространством. А вот Алена с трудом скрывала недовольство. В доме их с Володькой родителей прислуга традиционно принимала пищу «за печкой». То есть, конечно, никакой печки в доме Сокольников не было, а был отдельный маленький стол, за которым и ела Марина после того, как хозяева вставали из-за стола и вымытая ею посуда занимала свое место на полках.

Из духового шкафа был извлечен глубокий противень с тем, что Наташка назвала пловом. Людмила вдруг испугалась, что Наташка брякнет что-нибудь деревенское, в духе «угощайтесь, гости дорогие», но та раскладывала еду по тарелкам молча, опасливо поглядывала из-под длинных светлых ресниц на незнакомых людей и чуть-чуть улыбалась. Улыбалась осторожно, как бы пробуя, видимо, не зная, положено ей по статусу улыбаться или нет.

Андрюшка – единственный человек за столом, который не испытывал неловкости. Он с удовольствием ел и с удовольствием смотрел на Наташку. Людмила сильно удивилась бы, если бы узнала, что у ее сына свой, чисто шкурный интерес: интуиция подсказывала ему, что Наташа как бы не совсем взрослая. Вернее, так: она не будет говорить ему «подожди, я занята» или «отстань, я не хочу играть в снежки, мы будем мокрые и простудимся». Он сразу понял: она своя. Понял то, о чем его родителям только предстояло узнать.

Владимир маялся. Это было втройне глупо, но поделаться с собой и со своим настроением он ничего не мог. Теперь придется привыкать к присутствию постороннего человека. Постоянному присутствию. Это же теперь из ванной с голой... ну, в общем, в одном полотенце не выйдешь... Наличие прислуги в родительском доме его абсолютно не беспокоило – Марине стукнуло пятьдесят, двадцать пять из которых она провела в семье Соколовских. Марина была как любимое кресло – удобная и привычная. Именно кресло. Несколько облезлое, но уютное. Безмолвное. Ее присутствие в доме, в жизни семьи, совершенно никого не интересовало вне контекста ее прямых обязанностей. О ней вспоминали только тогда, когда что-нибудь было не так. За двадцать пять лет целых два раза: когда она загремела в больницу с острым аппендицитом и когда уехала на неделю в свою родную деревню хоронить мать. Наследники все никак не могли разобраться между собой, время шло, Марина звонила каждый день, извинялась, но все не ехала и не ехала. Помнится, отец, безмерно уставший от мгновенно развалившегося быта, не стал дожидаться ее самостоятельного возвращения. Сел в машину, поехал за ней, в момент решил казавшиеся неразрешимыми проблемы с наследством и документами и привез обратно. Владимир искренне считал, что хорошая прислуга – это такая прислуга, которой не видно и не слышно.

Эта девочка, похожая на мальчишку, была как прибор, который ненамеренно, но неизбежно искажает картину школьного опыта на уроке физики. Она ему не то чтобы мешала... Он просто не мог перестать обращать на нее внимание. Не мог – и злился на себя за это. Некрасивая, совсем некрасивая, убеждал себя Владимир. Никаких бабских достоинств. Ноги длинные, талия есть. И все. А бюст где? Ресницы белые какие-то... Ну, ладно, не белые, все равно невразумительные. Он привык к другим женщинам – большеглазым, длинноволосым, ярким, раскованным. Женщинам, ежесекундно готовым к флирту, к роману, готовым бросить все и махнуть на Канары. На Канары он своих пассий не приглашал, но эту готовность бросить, плюнуть и махнуть ценил. А эта – ни рыба, ни мясо, и одевается так же, как Людка. Ему и в голову не приходило, что имидж новой домработницы – дело рук его жены от начала и до

конца. Людка небось специально такую выбирала, ни черта не мисс Северный район. Но эта ее полуулыбка...

Владимир решительно встал и отправился за бутылкой вина. Повод есть, по крайней мере вполне официальный, Аленка вот ужинать осталась. Когда он вернулся, за столом говорили о предстоящем очередном концерте губернаторского симфонического оркестра, на которые все Сокольские и родители Людмилы традиционно ходили. Самое смешное, что по-настоящему знали и любили классическую музыку только его жена и теща. Алена посещала театр исключительно для поддержания образа девушки тонкой и интеллигентной, отец – по привычке, для Андрюшки считалось полезным прикосновение к сокровищнице, и так далее, а сам он выдерживал эту двухчасовую волынку, только чтобы не раздражать жену. Видит бог, она и так слишком многое ему прощает.

От предложенного бокала вина помощница по хозяйству испуганно отказалась, не поднимая глаз. Алену передернуло дважды, он заметил: и когда предложили, и когда домработница молча помотала головой. Интересно, какой у нее голос? За ужином она не сказала ни слова, только взглядами с Людкой обменивалась, быстро-быстро. Наверное, только для того, чтобы услышать, он, пристально глядя прямо ей в лицо, сказал:

– Спасибо, Наташа, очень вкусно.

Она ответила, так и не подняв глаз:

– Я старалась, Владимир Иванович.

Ого... Этого он никак не ожидал. Голос-то какой, а?! Низкий, с легкой хрипотцой. Такие голоса у женщин он только в кино слышал. Все, кого он знал, разговаривали более-менее звонко, некоторые даже визгливо, жена и его мать – пожалуй, слишком тихо, совсем не ярко. А эта... Тощая девчонка сказала четыре слова так, что ему на секунду захотелось закрыть глаза. Тогда бы он смог внимательно разглядеть чернокожую джазовую певицу, роскошную, прокуренную, опытную. Такой у девчонки был голос. А внешне – моль.

Алена засобиралась, Людмила пошла проводить гостью до порога. Андрюшка, отчетливо и безошибочно представляя себе новую замечательную жизнь,

которая начнется у него прямо с завтрашнего дня, весело поскакал к себе наверх. В кухне остались Наташка и Владимир. Она занялась посудой, а он смотрел на ее худую прямую спину и думал, о чем бы ее спросить, чтобы еще раз услышать этот голос. В голову приходила всякая ерунда, и он незаметно увлекся новой для себя ролью пассивного наблюдателя. Двигалась девчонка хорошо, ладно так двигалась, наверное, танцами занималась в детстве или гимнастикой.

Владимиру нравилось, когда люди ловкие и гибкие. К сожалению, от избытка этих качеств редко страдали красивые женщины. То ли в моде была эта их изломанность движений, то ли флирт было удобнее маскировать напускной неловкостью: ах, я уронила платочек...

Эта уж точно ничего никогда не уронит. Включая собственное достоинство. Наконец первая фраза для разговора, который ему так хотелось завести, всплыла сама собой, как это бывает, когда отвлечешься:

- Это тебя я утром видел, ты снег чистила?

- Да.

- А я тебя за деревенского пацана принял. - Владимир обаятельно улыбнулся.

Наташка, не оборачиваясь, пожала плечами. Ничего удивительного. В ее старой, некрасивой одежде, лохматая, с красным лицом. Не то что теперь. Она закончила с тарелками и вернулась к столу, чтобы собрать бокалы.

Владимир удивился: что это за односложные ответы такие? Нет уж, он заставит ее разговаривать. Пусть хоть что-нибудь скажет, даже пусть возмутится, что ли... Она протянула руку за его бокалом, и он накрыл ее своей ладонью:

- Подожди, я, может, еще...

Она шарахнулась от неожиданного прикосновения, как от удара током:

- Извините, Владимир Иванович...

Разговора не получилось. Черт его дернул... Ладно, еще наговорятся. Он поднялся и отправился к жене. Раз уж все равно рано домой приехал, надо с супругой пообщаться. Тему искать не пришлось, тема на кухне домывала посуду. Людмила отложила книжку, которую только что собралась читать, и с откровенно радостным ожиданием спросила:

- Как тебе помощница по хозяйству?

Только сейчас она сообразила, что не хочет называть Наташку домработницей. Неприятное слово, унижительное какое-то. И для нее, и для Наташки. Владимир, хоть и ждал этого вопроса, вдруг растерялся – голос, голос... Голос не шел из головы, вызывал острое желание услышать его снова. Интересно, она хорошо поет? Обидно, если при таком голосе нет слуха. Он смутился и начал не то что бы врать, а так, придуриваться:

- Девка как девка, ты же специально такую страшненькую нашла. Долго искала?

Людмила тихо рассмеялась: он не видел, какая Наташка вчера появилась в их доме. Тоже вопрос: а вот он вошел бы в Наташкино положение, пожалел бы некрасивую, жутко одетую девочку с синяками? Смог бы доверить ей свой дом с чадами и домочадцами? Человек он, конечно, не злой, но... склонный встречать по одежке, по первому впечатлению.

- Чего ты смеешься, – демонстративно обиделся он. – Все ревнуешь меня? По поводу своей помощницы можешь не волноваться, чухонские мальчишки – не мой фасон.

- А что – твой?

Это было прямое напрашивание на комплимент, в который ни он, ни она не верили. Но он произнес то, что она, как он думал, хочет от него услышать:

- Люсик, ты у меня самая единственная.

Ей как филологу – ну ладно, не филологу, а человеку, закончившему филфак, – формулировка «самая единственная» показалась неожиданно откровенной. То есть единственных у меня много, но ты – самая.

Они еще поболтали, обсудили предстоящий выход в свет, на концерт. Ей обновки никакие не нужны? Она не забыла, что их очередь принимать после концерта всю компанию? Кстати, дядя Коля с ними вроде пойти хотел, она не знает, что это ему в голову взбрело?

Надо еще посмотреть, что там с винами. Про вина – это у Владимира был такой маленький пунктик. Он искренне считал, что у состоятельных людей должен быть свой винный погреб. Впрочем, для провинции его коллекция вин и вправду была недурна. Коротко обсудили меню, Владимир высказался на тему возможной Наташкиной некомпетентности. Людмила ответила, что даже если роль помощницы по хозяйству ограничится чисткой и резкой продуктов под неусыпным контролем и последующим мытьем посуды, то парадный ужин в новом доме ее уже не пугает. А вообще-то сегодняшний плов ей очень даже понравился. Между прочим, Наташкино изобретение. Владимир не мог не согласиться: действительно вкусно. И непривычно. Совсем не похоже на мамину любимую рисовую кашу с мясом. Они вместе похихикали над этой старой семейной шуткой – Владимир, к счастью, не относился к тому неприятному типу мужей, которые во всем ставят в пример жене собственную маму.

Через час, после того как выключили свет, Владимир все еще не спал. Вспоминал голос, такой неожиданный у тощей, некрасивой девчонки, и думал: каково это – услышать «я тебя люблю», или «делай со мной что хочешь», сказанное этим самым голосом. В темноте. Так близко, чтобы чувствовать на щеке горячее дыхание. И эти руки, такие быстрые, ловкие. И наверняка очень сильные – как она снег-то кидала утром...

Он перестал мечтать о женщинах на сон грядущий примерно пятнадцать лет назад. Просто вокруг него их всегда было достаточно. Исключая, конечно, время, проведенное в армии, там фантазий было хоть отбавляй. Впрочем, он сейчас вовсе и не мечтал. Тоже мне, женщина... Просто белобрысая моль с невероятным голосом не выходила у него из головы.

Наташке тоже не спалось, но совершенно по другим причинам. Ни хозяин, ни его невозможно красивая сестра не произвели на нее ни малейшего впечатления. Она даже, как ни странно, забыла о его несанкционированном прикосновении, когда убирала посуду. Куда важнее оказалась Людмила. Наташка, можно сказать, влюбилась. Считай, с первого взгляда. Никто и никогда не относился к ней так хорошо. И так просто. И безо всякой на то объективной причины. И это она еще не старалась! Ну, то есть не то чтобы осознанно не старалась, просто

все очень быстро происходило сейчас в ее жизни. Как поезд на длинном перегоне – так все стремительно разогналось, что не успеваешь по сторонам смотреть. Новая стрижка, новая одежда, мальчишка этот чудесный, вроде молчит, а в глазах чертенята... И Людмила. Спокойная, уверенная. Она ведет себя не как хозяйка, а как подружка или старшая сестра. Наташке вспомнился роман Булгакова из внеклассного чтения по литературе, «Собачье сердце». Там герой и в начале, и в конце думал одно и то же: вот свезло так свезло. Ему, этому бедному Шарику, не так уж и свезло, по большому счету. Не то что ей, Наташке.

Кроме всего прочего, ей, всю жизнь считавшей себя страшненькой, а уж после истории семилетней давности – так вообще ходячим ночным кошмаром, ужасно понравилось собственное отражение в зеркале. Может, и не модель, но уж определенно девушка не хуже других. Почти симпатичная девушка.

Она еще долго ворочалась в непривычно мягкой и широкой постели, переполненная впечатлениями, и не знала, что хозяину тоже не спится. Правда, совсем по другим причинам.

Утром она, а не Людмила, впервые подавала Владимиру завтрак. Кофе был просто чудесный, а вот без апельсинового сока пришлось обойтись – наверное, жена не успела показать ей соковыжималку. Владимир слегка злился на себя за ночные размышления, а поскольку Наташка опять упорно молчала, он стал злиться на нее. Так бы и злился, но произошло совершенно невозможное событие – в кухню вбежал Андрюшка. То есть в том, что ребенок спустился позавтракать перед школой, не было ничего странного. А дальше Владимиру оставалось только наблюдать и напоминать себе, что ничего глупее, чем раскрытый от удивления рот, и быть не может. Его замкнутый, сдержанный не по годам сын с порога заверещал:

– Привет, Наташа!

И она вдруг заулыбалась – не как вчера, с опаской, а как будто ей только что подарили нечто долгожданное, волшебное. Живо обернулась к ребенку, обрадованно сказала:

– И тебе привет, Андрюшка!

Они сразу принялись тихо и весело возиться, вместе подавая на стол, Андрюшка мешался под ногами, раздавал указания, тут же их отменял, а она разговаривала с ним шепотом, делала строгое лицо, и все это время они постоянно почти бесшумно смеялись.

Обалдеть. А они с Людкой еще обсуждали, не стоит ли показать Андрюшку детскому психологу на предмет подозрительно недетской серьезности. Вот вам и замкнутый ребенок. Андрюшка еще допивал свое какао, которое обычно отказывался пить, а сегодня заявил, что это вовсе не противная гадость, а пища богов, а Владимир отправился прогреть машину. Пища богов, надо же. Слова какие он знает, замкнутый ребенок.

Глава 5

Людмила практически сразу поняла: ее Наташка из тех людей, которые просто физически не могут оставаться в покое. На ум приходил курс школьной физики. Тело, погруженное в жидкость, не может не вытеснить эту самую жидкость. Или шар, вдруг оказавшийся на наклонной плоскости, не сумеет не катиться, даже если очень сильно захочет.

Во сколько Наташка вставала по утрам, Людмила не знала, но к завтраку множество домашних дел оказывалось переделанными. Почти сразу они договорились о зимнем саде. Вся эта рукотворная красота в данный момент существовала как бы в состоянии куколки. Дизайнерский замысел просматривался ясно, растений было много, но Наташка вкусом, чувством стиля и интуицией, неожиданными в деревенской девочке, угадывала то, во что домашняя оранжерея может превратиться. Услышав просьбу о допуске до работ в зимнем саду, Людмила не без опаски ожидала вторжения помидорной рассады в пластиковых стаканчиках и ящика с вонючим и неэстетичным, но, безусловно, полезным для здоровья зеленым луком. Ничего подобного не случилось. Наташка чуть ли не два часа пыталась ее, как что называется, кто из цветов любит воду, кто предпочитает много солнца, а кого нужно затенять... Короче, благословение хозяйки Наташка получила. С одним маленьким «но»: не трогать амариллисы. Эти некрасивые в обычном своем состоянии растения должны были скоро зацвести, а два уже выпустили полуметровые жирные стрелки.

Кроме кропотливого и вдумчивого занятия в зимнем саду был еще Наташкин любимый снег. Деревенский мужик, кажется, дядя Паша, получавший раз в неделю от богатых придурков сто рублей на пропой души, был смертельно обижен. И дохода лишили, и чистит эта девка так, как будто дворец какой обхаживает. Односельчане над ним посмеивались: мол, девчонка лучше тебя, старого дурака, справляется. Резче и честнее всех высказалась его собственная жена: ты за водку, а она на совесть, вот и вся разница.

На снег у Наташки были свои планы, и она начинала охотиться на него еще с вечера, просила Людмилу посмотреть в Интернете, какая погода ожидается завтра. И в субботу вечером повезло – обещали обильный снегопад. А на градуснике, вообще-то, минус один. Значит, снег будет мокрый, липкий. Для ее плана – то что надо. Наташка хотела сделать сюрприз для Андрюшки, до рассвета сладить снежную бабу. Чтобы, как положено, с ведром на голове и морковкой вместо носа. А то совсем ребенок заучился. Общеобразовательная, художественная, музыкальная школы – у взрослого человека голова кругом пойдет.

Она всегда обладала чувством времени, ей не нужен был будильник, и в это утро она встала совсем рано, прихватила заранее припасенное ведро и бесшумно выбралась на улицу. Снег, как и обещал Интернет, валил с неба сплошной стеной. Это просто мечта: и стройматериала много, и долго такой сильный снегопад не продлится. Может, не только баба, может и в снежки поиграть удастся. Сюрприз просто обязан был получиться.

Субботние утра Людмила любила. Во-первых, никому никуда не надо, ни в школу, ни на работу. Во-вторых, выпавшийся Владимир с женой был ласков, и ей казалось, что у них все безоблачно, каждый раз она верила, что именно с этого дня прекратятся его возвращения после полуночи, что она больше никогда не почувствует от него запах чужих духов. Самообман, конечно. Но субботы были ее утешительным призом. Своего рода синица в руках.

В это утро они проснулись от непонятных звуков. За занавешенным окном что-то происходило. Создавалось впечатление, что целая артель мужиков экстренно строит нечто жизненно необходимое, кто-то кого-то подзадоривал, поторапливал, что-то надо было катить, поднимать, давай-давай, вот так, и еще чуть-чуть... За окном охали и смеялись. Людмила встала, запахнула пеньюар, подошла к окну, откинула тяжелые шторы – да так и застыла. Две тоненькие фигурки – одна повыше, другая пониже – изо всех сил пытались взгромоздить

чудовищный снежный ком на целый ряд таких же монстров. Ей показалось, что им нипочем не справиться, но фортификаторы с победным воплем водрузили свой круглый суперкирпич на законное место в великой китайской стене деревни Гать. Размах производимых работ поражал воображение: Андрюшка с Наташкой, оказывается, затеяли строить целую крепость, и возводимая ими стена была уже третьей. Башни ни за что не осияют, подумала Людмила, Андрюшки и из-за стены не видно будет. Она оглянулась на мужа. Володька был занят – ленился.

– Вставай давай, там такое! – попыталась она подвигнуть благоверного на активность, но тот ответил притворно-сонным мычанием. Людмила хмыкнула и не без злорадства сказала: – Ну и ладно, тебе же хуже. А я пошла помогать.

Владимир вновь провалился в сон, шум за окном ему не мешал. Спал он недолго, а когда проснулся – понял, что жены рядом нет. Прислушался – на кухне было тихо, кофе не пахло. Кажется, его все бросили, завтраком кормить тоже не собираются. Что-то там они во дворе все вместе делают, – вспомнил он и стал одеваться.

Если человеку дать время осмотреться, оценить обстановку, немного подумать... Ничего этого Владимиру не дали. Стоило только выйти на порог родного дома, как в грудь и в плечи ему, ослепленному нестерпимым сверканием выпавшего ночью снега, мгновенно влетели три снежка, пущенных с разной силой. Именно потому, что осмотреться ему не дали, вместо того, чтобы по-взрослому вознегодовать, Владимир бросился на штурм. Защитники крепости успели подготовиться, оказывается. Снежки, то легкие, рассыпающиеся, то серьезные, явно скатанные руками без перчаток, беспощадно и метко поражали наступающего агрессора. Нахрапом не получалось. Он решил схитрить, упал, закрывая лицо руками, и они попались, выбежали из-за укрытия, начали поднимать... Тогда он коварно повалил двух слабых женщин на снег, а их командира Андрюшку пленил и стал склонять к немедленной капитуляции. Не тут-то было. Противник оказал сопротивление, Владимир сам очутился лежащим на поле брани, жена, истинная валькирия – прямо как подменили! – уселась на него, а Наташка с Андрюшкой стали азартно закидывать его снегом. Потому что слишком близко, и снежки кончились. Наверное, они бы совсем его победили, но сказалась усталость, они все-таки целую крепость построили, боеприпасов наделали полный арсенал, а он был бодр и свеж.

Примирение стороны отправились заключать на кухню. И здесь у Наташки оказалось все на высшем уровне: хозяйева в полном составе еще переодевались в сухое и мыли руки, а сковородка уже яростно шипела драниками с луком и чесноком, жужжала соковыжималка, начинал похрюкивать чайник. Наконец они расселись.

- Наташ, а ты в детстве всегда так играла, да? - спросил счастливый и совершенно вымотанный Андрюшка.

- Нет, что ты, - рассмеялась она. - Мне играть некогда было.

- А почему? Ты тоже в трех школах занималась?

В голосе Андрюшки чувствовались и гордость, и некая аристократическая усталость одновременно. Она смутилась. Объяснять, что в его возрасте она могла только видеть, как развлекаются ее сверстники, - значит дать ему понять, что люди неравны между собой. Причем неравны по критериям, от них самих не зависящим. Слишком часто этот вопрос мучил ее саму в детстве, чтобы обратить на него внимание мальчика. Для этого есть родители. Но отвечать что-то надо было. Задали вопрос - изволь ответить. Тоже, кстати, мать в детстве приучила. Не самая удобная для жизни привычка, между прочим, - всегда отвечать на заданные вопросы. Она сказала:

- Я животных очень люблю, с растениями разными возиться, как твоя мама. А игры много времени отнимают. Понимаешь, когда праздник каждый день - тоже скучно. Или, может, не скучно, а неправильно как-то...

Владимир, до этого момента увлеченный завтраком, даже жевать позабыл. Здрасьте приехали. Он-то как раз был совершенно уверен, что к идее превращения каждого дня жизни в фиесту надо стремиться изо всех сил, вкладывая душу. Как же праздник может быть скучным?

- Классно вместе попрыгали вместо зарядки, а то совсем обленились, - с явным огорчением от того, что все уже закончилось, сказал Владимир, не любивший, когда праздник кончается.

- А вы, мужчина, не обобщайте. - Людмилу еще не совсем оставило боевое настроение, и Владимир вскинул на нее удивленные глаза. - Собственно, мы ни

разу так не бесчинствовали, так замечательно и бессовестно не колобродили по утрам. И по вечерам. И вообще...

– А до меня вы как бесчинствовали? – живо влез во взрослый разговор Андрюшка. Его, как и любого ребенка, особо интересовало: а что же было, когда его самого не было?

– Никогда мы так не бесчинствовали. Мы же взрослые, серьезные люди, – вздохнула Людмила и тихо добавила: – А жаль...

Доедали в молчании. Каждый планировал субботу согласно семейным традициям. Людмила, например, по субботам непременно старалась навестить Ираиду, а уж сегодня сам бог велел, подруга только-только из больницы выписалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volchok_irina/vse-lyudi-horoshie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)